

Д.Е. Шкатов

**«Ревизионизм» и «великодержавность»:
потенциальные источники исторических обид
в советско-северокорейских отношениях
в 1950—1960-е гг.**

Аннотация. Статья анализирует, как в северокорейской историографии освещаются советско-северокорейские отношения в период руководства [Советским Союзом] Н.С. Хрущева. Именно на этот период приходится ухудшение двусторонних отношений и к нему относится наибольшее число эпизодов, воспринимаемых КНДР негативно. К таким эпизодам относятся попытки со стороны Советского Союза вмешаться в внутрипартийную борьбу в 1956 году, давление на внешнюю политику КНДР, расхождение внешнеполитических линий в том, что касалось взаимодействия с капиталистическим лагерем. Анализ проводится на основании научных публикаций, изданных в Северной Корее. Внимание именно этим проблемам обуславливается особенностями государственной идеологии КНДР, в соответствии с которой осуществляется в том числе научная деятельность — подчеркивание независимости и самостоятельности государства в политике, экономике и сфере обороны как абсолютной ценности.

Ключевые слова: советско-северокорейские отношения, XX съезд КПСС, СЭВ, историография КНДР, историческая наука в КНДР, ревизионизм.

Автор: Шкатов Данил Евгеньевич, аспирант, кафедра востоковедения, младший научный сотрудник, Центр японских, корейских и монгольских исследований, МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-6690-0181.
E-mail: d.szkatow@gmail.com

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шкатов Д.Е. «Ревизионизм» и «великодержавность»: потенциальные источники исторических обид в советско-северокорейских отношениях в 1950—1960-е гг. // Корееведение. 2024. № 4 (9). С. 42—53.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.75.74.005.

D.E. Shkatov

**“Revisionism” and “great-poweriness”: potential sources of historical grievances
in Soviet-North Korean relations in the 1950s-1960s.**

Abstract. The article examines how North Korean historiography addresses Soviet-North Korean relations during the leadership of Khrushchev, a period marked by deteriorating bilateral relations and a significant number of episodes viewed negatively by the DPRK. These episodes include the Soviet Union's attempts to interfere in the

internal party struggle in 1956, pressure on the DPRK's foreign policy, and the divergence of foreign policy approaches regarding interaction with the capitalist camp. The analysis is based on scientific publications produced in North Korea. The focus on these issues is influenced by the unique characteristics of the DPRK's state ideology, which emphasizes the independence and autonomy of the state in politics, economics, and defense as fundamental values.

Keywords: Historiography of the DPRK, revisionism, history in the DPRK, Soviet-North Korean relations, 20th Congress of the CPSU, COMECON.

Author: Shkatov D.E., Ph.D. student, Dept. of Oriental Studies; Researcher, Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies, MGIMO University.
ORCID: 0000-0001-6690-0181. E-mail: d.szkatow@gmail.com

Acknowledgement. This work was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00109).

Conflict of Interests. The author declare the absence of the conflict of interests.

For citations: Shkatov D.E. «Revizionizm» i «velikoderzhavnost'»: potencial'nye istochniki istoricheskikh obid v sovetsko-severokorejskikh otnosheniyah v 1950—1960-e gg. [“Revisionism” and “great-powerness”: potential sources of historical grievances in Soviet-North Korean relations in the 1950s-1960s.]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 4 (9): 42—53. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.75.74.005.

На данный момент отношения между Россией и Корейской Народно-Демократической Республикой находятся, наверное, в одной из высших точек за всю историю. Выражением этих отношений, в частности, стал заключенный в 2024 г. двусторонний Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. В результате между странами активизировались обмены — как по политической, так и по культурной и академической линиям.

При этом для развития двусторонних отношений важно понимать не только партнера по диалогу, но и как тот воспринимает нас самих. Отдельного анализа заслуживает взгляд партнера по диалогу не только на нынешнее состояние, но и на историю связей в целом. В истории двусторонних отношений любых стран, тесно взаимодействовавших между собой в прошлом, найдутся как примеры сотрудничества и взаимопомощи, так и «спорные сюжеты», интерпретация которых будет сильно разниться.

Не лишена таких сюжетов и история развития российско-северокорейских, а если говорить о большей части XX в., то советско-северокорейских отношений. Конечно, само существование различий в оценках «спорных сюжетов» не означает их актуализацию и использование в качестве «исторических обид». Но нейтральный научный анализ таких сюжетов необходим, так как понимание *потенциальных* исторических обид и их неангажированное обсуждение могут способствовать тому, что эти сюжеты останутся предметом академической дискуссии.

В качестве потенциально проблемных сюжетов советско-северокорейских отношений можно выделить следующие [Дьячков, Шкатов, с. 41]:

- визит миссии А. Микояна и Пэн Дэхуая в Пхеньян в 1956 г.;
- давление СССР на внешнюю политику КНДР;

- отказ Советского Союза и затем новой России от безусловной поддержки КНДР и затем военного союза.

Данное исследование будет посвящено северокорейскому восприятию отношений с СССР в период руководства страной Н.С. Хрущева; к таковым относятся два из трех приведенных выше сюжетов. Целью данной работы является анализ оценок, данных в историографии КНДР этим событиям истории двусторонних отношений. Для этого в статье предпринята попытка дать ответы на следующие вопросы:

1) Какие конкретно действия Советского Союза подаются в «негативном свете»?

2) Кого считают ответственным, по мнению северокорейских историков, за проведение такой политики?

3) Какие выводы делаются из этих сюжетов?

Основными источниками исследования являются исторические работы, изданные в КНДР. К большей части из них автор получил доступ во время командировки в Республику Корею осенью 2024 г.; в российских библиотеках данных источников обнаружено не было. Главным источником по теме является труд «Опыт борьбы Трудовой партии Кореи против ревизионизма» [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995]. Будучи написанной в худший для двусторонних отношений период, эта работа характеризуется резкостью оценок и является кристаллизованным выражением resentment касательно Советского Союза, существовавшего в то время в политической и академической средах КНДР. Также в качестве источников выступают два издания «Истории Трудовой партии Кореи» — 1991 г. и 2018 гг. [История..., 1991; 2017, 2018], 3-й том «Полной истории Кореи» [Чон Ённюль, Ким Чханхо, Кан Сокхи, 1987], а также отдельные публикации на северокорейских сайтах в Интернете.

Собственно история самих советско-северокорейских отношений достаточно изучена. В качестве главных фундаментальных работ можно привести недавний российско-южнокорейский проект «Российско-корейские отношения в формате параллельной истории» [Российско-корейские отношения..., 2022] и коллективную монографию «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории» [Торкунов, Денисов, Ли, 2008]. Стоит также отметить работы, посвященные отдельным периодам отношений. Например, периоду руководства СССР Н.С. Хрущёвым, когда проявились разногласия между Советским Союзом и КНДР, посвящены работы Балаша Солонтая «Ким Ирсен в эпоху Хрущёва» [Kim Il Sung..., 2005], Андрея Ланькова «Август 1956 г. Кризис в Северной Корее» [Август 1956..., 2009] и Нобуо Симотомаи «Ким Ир Сен и Кремль. Северная Корея эпохи холодной войны 1945—1961 гг.» [Ким Ир Сен и Кремль...].

Вопросам северокорейского восприятия истории двусторонних отношений посвящено не так много работ. С темой данной статьи напрямую перекликается работа М.С. Феденевой «Концепция «нового ревизионизма» и борьба с советским влиянием в КНДР в первой половине 1960-х гг.» [Феденева, 2016]. Она анализирует, как в указанный период в Северной Корее трактовали ревизионизм, а также то, в каких конкретных действиях выражалось ухудшение отношений с Советским Союзом. Здесь можно отметить статью южнокорейского

исследователя Чо Хоёна¹ «Холодная война в историческом восприятии: история России в северокорейской историографии» [Чо Хоён, 2015], а также диссертацию Ко Минчжон «Изменения в северокорейском дискурсе о Советском Союзе: на примере статей и лозунгов из газеты “Советско-корейская дружба”» [Ко Минчжон, 2020]. Как можно видеть, данная тема все еще ждет своих исследователей.

Фракционная борьба 1956 г. и вмешательство Советского Союза

В первые годы существования северокорейского государства внутри главной политической силы страны — Трудовой партии Кореи — выделилось несколько группировок. В их число входили так называемая партизанская группировка — Ким Ирсен и его соратники по антияпонской партизанской борьбе; советская фракция — советские корейцы, обладавшие опытом партийной и административной работы, присланные из Советского Союза, зачастую имели двойное гражданство и поддерживали тесные связи с советским посольством в Пхеньяне; «яньаньская» группировка — корейцы, которые в 1930—1940-е годы были членами Китайской коммунистической партии; четвертой группировкой была так называемая внутренняя — ее составляли участники коммунистического движения, действовавшего до 1945 г. на территории Корейского п-ва [Ланьков, 1995, с. 22—30].

«Внутреннюю» фракцию разгромили после окончания Корейской войны. Ее главного представителя, Пак Хонъёна, объявили шпионом, виновным в провалах военного времени, и репрессировали. Остальные фракции столкнулись во внутривнутриполитическом противостоянии в 1956 г. Катализатором для этих событий послужил XX съезд ЦК КПСС в феврале упомянутого года и начало курса на десталинизацию. В рамках этого курса от стран «народной демократии», к которым причислялась и КНДР, ожидалась поддержка мер по десталинизации и устранению культа личности. Советская и китайская фракции попытались выступить против Ким Ирсена, критикуя его за культ личности, неудачи в экономической политике, отказ следовать решениям XX съезда. Сторонники этих фракций намеревались сместить Ким Ирсена с руководящих постов, и обращались к своим патронам в СССР и КНР с запросами на вмешательство.

Выступление против Ким Ирсена привело к разгрому советской и китайской фракций. Умело играя на противоречиях между фракционерами, Ким Ирсен, опираясь на поддержку партийных масс, добился смещения выступавших против него со всех занимаемых ими постов. Партийные чистки заставили вмешаться СССР и Китай — в сентябре 1956 г. в Пхеньян прибыла делегация во главе с А. Микояном и Пэн Дэхуаем, которые потребовали от Ким Ирсена прекращения репрессий и восстановления пострадавших в партии. Руководство КНДР пошло на временные уступки, но запомнило попытку соседей вмешаться во внутренние

¹ Редакционный совет принимает статьи с транскрипцией корейских имён на русский язык на усмотрение автора: по системе Концевича или, как они используются МИД РФ и СМИ (прим. глав. ред.).

дела их страны. На фоне последовавшего раскола между СССР и КНР внимание этих государств к происходящему внутри КНДР угасло, а сам Ким Ирсен, пользуясь этим, полностью консолидировал власть в своих руках.

Если посмотреть на то, как северокорейская историография оценивает эти события, можно отметить следующее. Во-первых, Н.С. Хрущев именуется не иначе как «современный ревизионист», который предал дело революции, а его политика в итоге привела к крушению социализма. Корнем возникновения ревизионизма называется попадание под буржуазное влияние и капитуляция под давлением империализма. Этими формулировками северокорейские историки критикуют отход от сталинских практик в управлении экономикой и доктрину мирного сосуществования [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 7—19].

Если говорить о событиях конкретно советско-корейских отношений, то им даются следующие оценки. Партийная борьба середины 1950-х описывается как борьба против двух течений, порожденных ревизионизмом — догматизма и низкопоклонничества перед большими странами (교조주의와 사대주의).

За что конкретно их критикуют? Приверженцы догматизма подверглись критике за неспособность разглядеть историческую ограниченность марксизма и одновременно с тем — за отрицание революционной сущности марксизма. Под первым имеется в виду буквальное восприятие марксизма и отрицание необходимости развивать его согласно местной специфике; под вторым — утверждение, что революция побеждает вместе с построением социалистического государства. В вину им ставится то, что они выступали за проведение политики без учета национальных особенностей, опираясь исключительно на опыт других стран (конкретные государства не называются, но между строк читается упрек в сторону СССР), — проведение сначала индустриализации, и только потом — коллективизации, а не их параллельное осуществление [Там же, с. 59—69].

Сторонников низкопоклонничества перед большими странами критикуют за нежелание развивать отечественную культуру, стремление изучать в первую очередь культуру и историю других стран, намерения «уничтожить культурное наследие». В сфере экономики догматизм и низкопоклонничество проявлялись в абсолютизации материальных стимулов, нежелании признавать важность стимулов идеологических [Там же].

Непосредственная роль Советского Союза упоминается в связи с выступлением фракционеров против Ким Ирсена в августе 1956 г. Сама проблема существования фракций в партии признается как существовавшая исторически (역사적으로 내려오던 종파) [История..., 1991, с. 393; 2017, с. 286]. В качестве главных фракционеров упоминаются только Чхве Чханик и Пак Чханок. В качестве главного «злодея» выступает именно Чхве Чханик, упоминающийся и в обоих изданиях истории партии, и в «Опыте борьбы партии с ревизионизмом». Член советской фракции Пак Чханок упоминается только в последней работе. При этом принадлежность к группировкам в северокорейских трудах не указывается, они просто именуются «фракционеры» и «ревизионисты». Не упоминаются ни какие-либо другие члены этих группировок, ни их численность.

Северокорейская интерпретация позиций фракционеров выглядит следующим образом. Во-первых, они критиковали руководство ТПК за то, что оно не

следовало решениям XX съезда КПСС и считало его решения «ересью». Во-вторых, критике подвергалась партия за концентрацию на развитии исключительно тяжелой промышленности в то время, когда народ бедствует. В-третьих, они считали неверной кадровую политику партии, отрицали ее роль и народно-демократическую диктатуру. Кроме того, они предлагали решить проблему объединения Кореи с помощью правого уклона [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 70].

Участие Советского Союза в данных событиях оценивается в негативном ключе. Оно названо «вмешательством современных ревизионистов в союзе с великодержавниками (대국주의자)». Как пишут северокорейские авторы, «вмешательство ревизионистов было особенно сильно против партий, защищавших революционные принципы» [Там же, с. 92]. Первым эпизодом такого вмешательства названо требование достигнуть компромисса с США по вопросам послевоенного урегулирования. Вторым эпизодом, которому уделено основное внимание, стало вмешательство Советского Союза во внутрипартийную борьбу.

Северокорейские авторы отмечают, что КПСС приказала остальным социалистическим странам решить вопрос «культы личности». Н.С. Хрущев отправил делегацию на III съезд ТПК с целью «навязать» КНДР решение вопроса «культы личности». На съезде советская делегация «получила решительный отпор со стороны ТПК». Визит делегации А. Микояна и Пэн Дэхуая упоминается косвенно: говорится, что после «организационной ликвидации фракционеров» <...> «современные ревизионисты, вместо того чтобы вынести уроки из этой ситуации, продолжили бессовестно вмешиваться во внутреннюю политику, разглагольствуя, что “внутри корейской партии беспокойно, нам необходимо вмешаться” и “зачем вы исключили их (т. е. ревизионистов) из партии”». Однако партия, твердо придерживаясь самостоятельных позиций и революционных принципов, вовремя заблокировала «грязное и высокомерное вмешательство современных ревизионистов и великодержавников» [Там же, с. 92—94].

Оба издания «Истории ТПК» в большей степени концентрируются на действиях самих фракционеров, но вмешательство Советского Союза также упоминается. В главе про III съезд ТПК отмечается, что к нему было приковано большое международное внимание, поскольку это был первый съезд после XX съезда КПСС. Историки партии пишут о советской делегации, которая требовала принять линию на мирное сосуществование и критику культа личности [История..., 2018, с. 307—308]. Когда говорится о выступлении фракционных группировок в августе 1956 г., влияние внешних сил упоминается лишь косвенно: «после того как в международном коммунистическом движении подняли голову ревизионисты, клика фракционеров, восприняв это как “международное идейное течение”, начала махинации по привнесению этих идей в Корею»; «...было ясно, что, если оставить фракции так, как есть, то впоследствии они бы встали на путь объединения с врагами¹» [Там же, с. 310—313]. Практически такие же оценки даются и в «Полной истории Кореи» [Чон Ённюль, Ким Чханхо, Кан Сокхи, 1987, с. 536—542].

Совет экономической взаимопомощи и КНДР

Другим примером, где действиям советского руководства дается негативная оценка, является тезис, что СССР пытался заставить КНДР присоединиться к Совету экономической взаимопомощи. Описывая эти события, северокаорейские авторы приводят цитату из выступления Ким Ирсена в 1991 г., где он, вспоминая о требованиях присоединиться к СЭВ, утверждает, что отказ был «миллион раз правильным решением». «Если бы мы не смогли отстоять самостоятельность и, подчинившись другой стране, вступили бы в СЭВ, то, как и для других стран Восточной Европы, это принесло бы плачевные результаты» [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 96].

Самой идее создания СЭВ дается гораздо более положительная оценка. Организация характеризуется как «орган экономического сотрудничества, созданный, чтобы объединенными усилиями противостоять экономической блокаде со стороны империалистов. СЭВ в основном занимался созданием и развитием двусторонних торговых отношений между странами-членами, а также обменом опыта экономического строительства и проведением совместных исследований по вопросам экономики и техники» [Там же]. Однако начиная с середины 1950-х годов на фоне подъема современного ревизионизма орган перешел к решению вопроса специализации производства. По словам авторов, «с помощью пространства СЭВ современные ревизионисты собирались экономически подчинить себе социалистические страны» [Там же, с. 96—97].

Северокаорейские авторы так описывают аргументы «современных ревизионистов» к требованиям вступить в СЭВ: развитие всех областей промышленности, с первоочередным развитием тяжелой промышленности, не нужно КНДР; лучше будет сделать упор на легкую промышленность, сельское хозяйство, а тяжелую промышленность ограничить лишь производством оборудования для шахт. В качестве меры давления приводится угроза не поставлять станки и оборудование, которые были обещаны в рамках помощи послевоенному восстановлению. Такая аргументация трактуется как «стремление сделать из Кореи шахту, отсталую страну, которая бы продавала сырье, и экономически подчинить ее себе» [Там же].

Отдельно жестко авторы критикуют продвигаемые Н.С. Хрущевым через СЭВ идее о «международном разделении труда» и создании «единой системы хозяйствования» (통합경제). Идея состояла в том, что социалистические страны должны были участвовать в международной кооперации и в соответствии с ней выбрать приоритетные сферы специализации, которые обуславливались бы либо экономико-географическими факторами, либо существовавшими национальными и производственными традициями. Руководство КНДР, пытавшееся построить автаркическую экономическую систему, не могло принять данные установки. Описывая конфликт, вызванный отказом Северной Кореи присоединиться к

¹ Впрочем, определение «врага» здесь достаточно широкое и не указывает конкретно на Советский Союз. Одно из упоминаемых в затрагиваемых источниках обвинений Чхве Чханику и Пак Чханок — это «контакты и попытка получить помощь от американских империалистов».

СЭВ, упоминается резкая критика северокорейской политики: «националистические тенденции», «изоляция от социалистической системы», «политически опасная и экономически вредная линия». Перечисляются меры экономического давления со стороны «современных ревизионистов»: требования закупать у СССР товары по высокой цене, а северокорейские товары на международных рынках продавать по низкой; в ответ на запрос со стороны КНДР предоставить необходимую технику последовал отказ дать даже чертежи; отмена заключенных с Кореей соглашений. Тем самым построению корейского национального хозяйства был нанесен большой ущерб. Авторы идут дальше, заявляя, что прими КНДР советские требования, она не смогла бы создать никакой новой отрасли промышленности и была бы полностью подчинена экономике другой страны [Там же, с. 97—102]. Практически аналогичные оценки в более кратком изложении приводятся и в «Истории ТПК» [История..., 2018, с. 305—306]. Отказ от вступления в СЭВ часто приводится как пример успешной и мудрой политики «опоры на собственные силы» (자력갱생) и в публицистических публикациях. Иллюстрацией этого могут служить публикации на сайте университета имени Ким Ирсена¹.

Расхождения с СССР в вопросах внешней политики

Северокорейскими авторами критикуется также и внешняя политика СССР при Н. Хрущеве, в том числе по тем вопросам, которые напрямую не затрагивали Корею. В этой критике можно выделить два направления. Первое — это несогласие с проводимой Советским Союзом оборонной политикой и навязыванием своей линии другим соцстранам. Второе — это следование политике «мирного сосуществования» и попытка пойти на договоренности с империалистами, в первую очередь с США.

Несогласие с советской оборонительной политикой выражается следующим образом. Официальная позиция КНДР всегда заключалась в том, что страна должна обладать достаточными силами для самообороны и в этом вопросе не должна быть зависима от третьих стран. Вразрез с этим идет восприятие советской позиции, которая, согласно северокорейскому изложению, заключалась в том, что другим социалистическим странам не было необходимости всесторонне развивать военную мощь, так как их охраняли передовые советские ракетно-ядерные разработки. Более того, заявляют северокорейские историки, ради снижения международной напряженности не нужно давать повода для провокаций со стороны империалистов. Целью такой политики объявляется «намерение, поставив социалистические страны под свой “ядерный зонтик”, определять за них их судьбу» [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 102—103]. В «Истории ТПК» отдельно приводится критика Организации Варшавского договора как инструмента в руках Хрущева по подчинению армий стран соцблока Советскому Сою-

¹ 주체사상을 신봉하는 사람은 주체철을 해야 한다 [Те, кто стоит в авангарде идей чучхе, должны изготавливать чучхейское железо] // Kim Il-Sung University: 2023. URL: <http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/ko/research/articles/b2005ea31710de47466d9e53068edc71> (дата обращения: 15.11.2024).

зу. [История..., 2018, с. 306]. В качестве примера правильности политики по укреплению самообороны и недоверия СССР приводится тот факт, что благодаря этому КНДР смогла «разгромить провокационные махинации империалистов» в 1968 г. во время инцидента с кораблем США «Пуэбло»¹ и в 1976 г. во время инцидента в Пханмунчжоме [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 106].

Политика «мирного сосуществования» яро критикуется северокорейскими авторами, так как, с их точки зрения, империализм во главе с США является главным разжигателем войн и конфликтов, и любые попытки достичь компромисса и пойти на уступки являются капитуляцией перед непримиримым врагом. В качестве примера такой «капитуляции» приводится Карибский кризис. В северокорейской интерпретации он выглядит как предательство Кубы со стороны Советского Союза, когда тот в одностороннем порядке «подчинился» требованиям США и вывел ракеты с острова, не получив ничего взамен [Там же]. Характерно, что такие оценки присутствуют даже в изданных относительно недавно школьных учебниках [Шкатов, 2024, с. 33].

В упрек Н.С. Хрущеву ставится попытка отойти от непримиримой конфронтации с капиталистическими странами. Для северокорейских авторов сам тезис, что «империализм оставил захватнические попытки», «империалисты не собираются развязывать войну, в которой они сами погибнут» выглядит ошибочно («Незахватнический империализм — это уже не империализм»). В подтверждение этому приводятся несколько речей Ким Ирсена и Ким Ченира об опасности империализма и борьбе против него [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 191—192]. Северокорейцы спорят с апелляцией Н. Хрущева к наследию В. Ленина в том, что касалось теоретического обоснования линии на «мирное сосуществование». Признавая, что В. Ленин говорил о возможности временного сосуществования с капиталистическими странами после победы социализма в ряде государств, отмечается, что это сосуществование не может быть «генеральной линией» международного социалистического движения [Там же, с. 198]. В целом, все обвинения в следовании линии на мирное сосуществование сводятся к простому тезису: «прекращение антиимпериалистической борьбы под вывеской “мирного сосуществования” и сотрудничество с империализмом — это предательство по отношению к социализму» [Там же, с. 199].

Заключение

В Корейской Народно-Демократической Республике чрезвычайно высока роль государственной идеологии — «кимирсенизма-кимчениризма» и его стержня в виде идей чучхе — в общественно-политической жизни. Любые академические или публицистические работы, изданные на территории республики — не исключение. Сама идеология неустанно подчеркивает абсолютную ценность са-

¹ Характерно, что оценки российских корееведов данного инцидента скорее противоположны. Отмечается, что именно посредническая роль Москвы и прямые контакты с Вашингтоном сыграли большую роль в урегулировании инцидента и ухода от прямого военного столкновения [Российско-корейские отношения..., 2022, с. 436; Ткаченко, 2000, с. 41—42].

мостоятельности страны во внутренней и внешней политике. Поэтому и события как и самой корейской истории, так и двусторонних отношений рассматриваются сквозь идеологическую призму.

По этой логике любая попытка извне заставить КНДР изменить свой внутри- и внешнеполитический курс должна расцениваться негативно. Как раз такие оценки и применяются к периоду советско-северокорейских отношений в 1953—1964 гг. Для северокорейских историков, живущих в государстве, построенным во многом по модели сталинского СССР, фигура Никиты Сергеевича Хрущева с его политикой, направленной на демонтаж сталинской модели, является исключительно негативной. Его (а вместе с ним и весь СССР того периода) называют не иначе, как «современные ревизионисты», и любой его шаг подвергается критике. В том, что касается двусторонних отношений, негативные оценки советских действий связаны с тем, что попытки СССР повлиять на политику КНДР воспринимаются как желание «ревизионистов» лишить Северную Корею самостоятельности и включить ее в сферу своего влияния.

Учитывая сказанное выше, нужно понимать, что, несмотря на все приведенные негативные оценки, они не реактуализируются в качестве «исторических обид» — сюжетов, которые используются как предлог для требования компенсаций или уступок. Несмотря на присутствие крайне нежелательных характеристик советской политике указанного периода не только в специализированной литературе, но и в школьных учебниках, не проводится преемственность современной российской политики с политикой СССР в исследуемый отрезок времени.

Библиографический список

Дьячков И.В., Шкатов Д.Е. Корейский взгляд на потенциальные исторические обиды в отношениях с Россией до 1910 г. // Сравнительная политика. Т. 14. № 3. 2023. С. 39—59.

Ланьков А. Н. Август, 1956 год: Кризис в Северной Корее. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 350 с.

Симотомаи Нобуо. Ким Ир Сен и Кремль: Северная Корея эпохи холодной войны (1945—1961 гг.). М.: МГИМО-Университет, 2010. 331 с.

Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М.: Восточная литература РАН, 2000. 206 с.

Российско-корейские отношения в формате параллельной истории / ред. А.В. Торкунов, Ким Хакчун. М.: Аспект Пресс, 2022. 942 с.

Феденева М.С. Концепция «нового ревизионизма» и борьба с советским влиянием в КНДР в первой половине 1960-х гг. // Проблемы Дальнего Востока. № 1. 2016. С. 149—156.

Шкатов Д.Е. Взгляд на историю России XX века в школьных учебниках КНДР. // Корееведение. 2024. № 1(6). С. 26—36.

Szalontai, B. (2005). *Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953—1964*. Washington: Woodrow Wilson Center Press. 368 p.

고민정. 신문 ‘조선전선’ 기사와 구호로 본 북한의 소련 담론 변화 [Ко Минчжон. Изменения в северокорейском дискурсе о Советском Союзе: на примере статей и лозунгов из газеты «Советско-корейская дружба»]. Сеул: Ихваёчжахактан, 2020. 136 с. (На кор.).

고정웅, 리준향. 조선로동당의 반수정주의 투쟁경험 [Ко Чжонун. Ли Чжунхан. Опыт борьбы Трудовой партии Кореи против ревизионизма]. Пхеньян: Сахве квахак чхульпханса, 1995. 211 с. (На кор.).

전영률, 김창호, 강석희. 조선통사(하) [Чон Ённюль, Ким Чханхо, Кан Соххи. Полная история Кореи (3-й том)]. Пхеньян: Сахве квахак чхульпханса, 1987. 785 с. (На кор.).

조선로동당력사.1 [История Трудовой партии Кореи Т.1]. Пхеньян: Чосон нодондан чхульпханса, 2017. 447 с. (На кор.).

조선로동당력사 [История Трудовой партии Кореи]. Пхеньян: Чосон нодондан чхульпханса, 1991. 611 с. (На кор.).

조호연. 역사인식 속에서의 냉전 — 북한 역사학계의 러시아사 이해 [Чо Хоён. Холодная война в восприятии истории — история России в историографии Северной Кореи] // 서양사론. 2015. № 127. С. 71—106. (На кор.).

References

A.V. *Torkunov et al.* (2022) Rossiisko-koreiskie otnosheniia v formate parallel'noi istorii [Russian-Korean relations in the format of parallel history]. Moscow: Aspekt Press. 942 p. (In Russian).

Dyachkov I.V., Shkatov D.Ye. (2023) Korejskij vzglyad na potencial'nye istoricheskie obidy v otnosheniyah s Rossiej do 1910 g. [Korean Perspective on Potential Historical Grievances in Relations with Russia before 1910]. *Comparative Politics Russia*. 2023; 14(3): 39—59. (In Russian).

Lankov, A. (2009). Avgust, 1956 god: Krizis v Severnoy Koreye [Lankov, A. August, 1956: Crisis in North Korea]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), First President of Russia B.N. Yeltsin Foundation, 350 p. (In Russian).

Fedeneva, S. (2016). Konceptiya «novogo revizionizma» i borba s sovetским vliyaniem v KNDR v pervoj polovine 1960-h gg. [The Concept of New Revisionism and the Fight against the Soviet Influence in North Korea in the First Half of the 1960s]. *Problemy Dalnego Vostoka*. No. 1: 149—156. (In Russian).

Shimotomai Nobuo. (2010). Kim Ir Sen i Kreml: Severnaya Koreya epohi holodnoy vojny (1945—1961 gg.) [Kim Il-Sung and the Kremlin: North Korea in Cold War (1945—1961)], Moscow: MGIMO-Universitet. 331 p. (In Russian).

Shkatov D.Ye. (2024). Vzglyad na istoriyu Rossii XX veka v shkol'nyh učebnikah KNDR. [The Portrayal of Russian History of the 20th century in DPRK School Textbooks]. *Koreevedenie*. № 1(6): 26—36 (In Russian).

Szalontai B. (2005). Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953—1964. Washington: Woodrow Wilson Center Press. 368 p.

Tkachenko V.P. (2000). Korejskij poluostrov i interesy Rossii. [Korean Peninsula and Interests of Russia]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. 206 p. (In Russian).

고민정. 신문 ‘조선조선’ 기사와 구호로 본 북한의 소련 담론 변화 (Go Minjeong. sinmun ‘jossochinseon’ gisawa guhoro bon bukanui soryeon damnon byeonhwa) [Changes in the Discourses of the Soviet Union in North Korea : Articles and Slogans in Cho-Sso Chinson]. Seoul: Ewha Woman University. 2020. 136 p. (In Korean).

고정웅, 리준향. 조선로동당의 반수정주의 투쟁경험 (Experience of the WPK's Struggle against Revisionism) [Go Jeongung, Ri Junhang. Joseonrodongdangui bansujeongjuui tujaenggyeongheom]. Pyongyang: Sahoe gwahak chulpansa. 1995. 211 p.

전영률, 김창호, 강석희. 조선통사. (하) (Jeon Yeongryul, Gim Changho, Gang Seokhui. Joseontongsa. (Ha)) [Full History of Korea (Vol. 3)]. Pyongyang: Sahoe gwahak chulpansa, 1987. 785 p. (In Korean).

조선로동당력사 (Joseonrodongdangryeoksa) [History of the Workers' Party of Korea]. Pyongyang: Joseon rodongdang chulpansa, 1991. 611 p. (In Korean).

조선로동당력사.1 (Joseonrodongdangryeoksa) [History of the Workers' Party of Korea. Vol. 1]. Pyongyang: Joseon rodongdang chulpansa, 2017. 447 p. (In Korean).

조호연. (2015) 역사인식 속에서의 냉전 — 북한 역사학계의 러시아사 이해 (Jo Hoyeon. Yeoksainsik sogeseoui naengjeon — buhan yeoksahakgyeui reosiasa ihae) [The Cold War in the Perceptions of History — the Russian History in the Historiography of North Korea]. *Seoyangsaron*. No.127: 71—106. (In Korean).

Поступила в редакцию: 01.12.2024

Принята к публикации: 20.12.2024

Received: 01.12.2024

Accepted: 20.12.2024